

РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ В ДЕЙСТВИИ

Лифт в доме писателя, создавшего столько прекрасных книг об инженерном таланте, мягко говоря, своеобразный: он везет только вверх. Вниз надо спускаться пешком — на площадке даже нет кнопки вызова. В этом факте можно было бы узреть своеобразный символ, но нам с болгарским журналистом Розалином Костовым не до этого: мы торопимся на встречу с Даниилом Граниным.

Первый вопрос писателю:

— Даниил Александрович, раскройте секрет: как вам удается держать руку на пульсе жизни, находясь в состоянии некоего интеллектуального одиночества, без непосредственного каждодневного контакта с людьми?

— Работа писателя — за письменным столом, и чем более одинокая, тем лучше. Писатель тем и интересен — своей непохожестью, своим индивидуальным взглядом на мир, и чем он более индивидуален, тем это интересней. Интересно, когда человек смотрит немножко иначе, чем все остальные. В этом смысле интеллектуальное «одиночество» — вещь полезная, необходимая для общества.

Мы привыкли считать, в коллективных решениях правда на стороне большинства. А в творчестве? Я думаю, что это далеко не всегда правильно. В науке, например, меньшинство чаще всего право. В искусстве — тоже. Талант требует выношенности, погруженности. Ибо подлаживаться ко всем мнениям и вкусам — это гибель для искусства.

Тут сам с собой иногда оказываешься в меньшинстве! Ибо в каждом из нас масса привычных, расхожих мнений, и нужно иметь в себе силу, чтобы в борьбе с собой, со своими привычными мнениями выработать новый, свежий взгляд.

— В чем, на ваш взгляд, роль ученого в будущем нашего мира?

— Я пережил разные этапы. Был период, когда я воспевадал ученых, восторгаясь ими. Думал, что с помощью науки нам удастся решить все проблемы («Искатели», «Иду на грозу»). Но я убедился, что ученые тоже бывают заражены карьеризмом, дедачеством, корыстью, что для них тщеславие становится иногда важнее истины. Мой пессимизм был вызван теми огромными потерями, которые по вине ученых повесила природа. Ответственность тут лежит и на физиках, и на биологах, и на гидротехниках, и на строителях, и на нефтяниках. Словом, все грешны. Ведь знали, что причиняют вред, а шли на это. Знали, что будут загрязнять Байкал, Ладогу, что дамба повредит Ленинграду, что поворот рек — это безумие, что ирригация земель в районе Аральского моря — это гибель... Причинив вред нашему Северу, той же Волге.

Почему шли на это? Убеждались: часто двигали личные или сиюминутные интересы. Это непростительно. Конечно, корни подобных явлений в тогдашней слабости экологического знания. Но главная причина — отсутствие исторической ответственности,

исторического самосознания. До сих пор мы жили в эпоху, когда государство снимало личную ответственность с человека. И мало у кого хватало мужества выразить точку зрения, отличную от директивной...

В общем, в тот период мое мнение о науке сильно пошатнулось. Однако в последнее время я думаю: кто же будет выправлять ошибки? Не писатели же, не журналисты-публицисты? Теперь охрану природы, соответствие ее жизни с развитием современной цивилизации может обеспечить только наука. От нее зависит, насколько удастся изменить экологическое сознание, саму философию общества.

И тут дело самое трудное. Человек должен научиться поступаться своим комфортом. А ведь мы не привыкли ради природы чем-то жертвовать. Хотя, конечно, можно найти выход. Пример: закрыть целлюлозно-бумажный комбинат. Но, значит, будет меньше бумаги, меньше книг. (Странное противоречие: книги — показатель культуры общества. И в то же время их производство ведет к гибели лесов, загрязнению рек, что само по себе противоречит понятию культурности). А может, нам не нужно столько книг, а нужнее их разумное потребление, разумная издательская деятельность?

— Мы говорили о писателях, ученым. С какими проблемами, на ваш взгляд, сталкиваются люди на производстве?

— Люди техники, администраторы, простые рабочие последние десятилетия воспитывались двумя взаимосвязанными категориями: это план и количество. Именно с этими понятиями имел дело обычный человек на производстве. Так вот, я думаю: когда работник «делает» количество, тут исчезают мастерство, виртуозность, артистичность, гордость человека за свою работу.

Качество — более бескорыстная категория. Сейчас на производстве вводится госприемка. И обнаружилось: если оказывается, что с качеством у нас плохо. И людям приходится совершенно менять свое отношение к работе. Это неизбежный процесс, и идет он нелегко. Но он просто необходим.

— Новое отношение к труду — это надо понимать как более творческое отношение.

— Я хотел бы отдельно порассуждать о творческом труде. Не всякая работа может быть творческой. Есть работа скучная, однообразная, монотонная. И такой работы много, но она необходима, и низкий поклон тем, кто занимается ею. Истинное творчество — это восторг, озарение, случающееся нечасто. Однажды у Эйнштейна спросили: записывает ли он свои идеи? Тот улыбнулся и сказал, что идеи появляются так редко, что их можно и не записывать.

— Скажите, а вы вообще-то оптимист или пессимист в отношении будущего?

— Я думаю, есть все основания для оптимизма. Сейчас мир получил возможность быть единым, быстро нараста-

ет общность людей, которая требует соучастия от каждого. Те же самые экологические проблемы, великое дело сохранения мира на Земле — они всемирны. Где-то происходит бедствие — люди начинают помогать, собирают средства. Где-то бушует война, и военный пожар больно отзывается в сердцах.

Мы в своей стране не ощущаем себя закрытым обществом, отдельным государством. Ведь в чем корень зла? В том, что кто-то считал, что другие не имеют права быть другими. Мы учимся сейчас понимать, что другой человек может быть другим. Это очень важно.

Это процесс небесный, тягостно медленный в сравнении со сроками человеческой жизни, но он идет и, может быть, даже убыстрится. И это нравственный процесс. Я в этом смысле оптимист. Думаю, что с этой точки зрения наш человек, сегодняшний, и человек начала века — не одинаковы. Наш человек несколько выше. Что-то он потерял, но приобретенное существенно.

— Каково значение Ленинграда для вас и для вашего творчества?

— Ленинград — город великой и трагической истории, замечательной судьбы, архитектуры, культуры. Но выглядит он сейчас не так, как должен бы. Счастье Ленинграда, что разрушения некоторых реформаторов наших его коснулись не так, как Москвы. Хотя он сильно пострадал во время войны, центр и пригороды удалось восстановить. Это потребовало много сил и энергии от всего народа. Реставрируют Петергоф, Павловск, Пушкин. Надо обратить внимание на Гатчину, Ораниенбаум, на все красивое пригородное ожерелье Ленинграда.

— Ленинград — колыбель революции, и в год 70-летия Октября закономерен вопрос к писателю-ленинградцу о связи Октябрьской революции и сегодняшних перемен в нашей жизни...

— То, что происходит сейчас, — это революционные преобразования. Мы переживаем подлинную коренную перестройку, а не одну из тех реформаторских полос, что уже были в истории страны. Это новый способ мышления, новая психология, новые отношения между людьми и людей к своему делу, к государству.

Это революционное сегодня и есть наша главная связь с Октябрем 1917 года. Здесь я вижу преемственность дорогих советским людям традиций. Задачи, поставленные перед нами жизнью, требуют революционного сознания, революционной верности, решимости, мужества.

Если раньше, когда мы отмечали октябрьские даты, слова о том, что «революция продолжается», воспринимались зачастую как дань прошлому, то сегодня это есть наша современная революционность в действии. Не все желают перемен в нашей жизни. Но ведь и 70 лет назад не все приветствовали революцию... И я верю в успех перестройки!

Записал А. БОГОМОЛОВ.